

Естественная история и история Отечества

К.Г.Михайлов,

кандидат биологических наук

Зоологический музей Московского государственного университета им.М.В.Ломоносова

Трудно писать рецензию, будучи редактором книги. Очень хорошо вижу недочеты, получил уже мелкие замечания от коллег — зоологов и историков науки. Но личность Виктора Ивановича Мочульского столь притягательна и при этом столь малоизвестна, что дать информацию о книге считаю своим долгом.

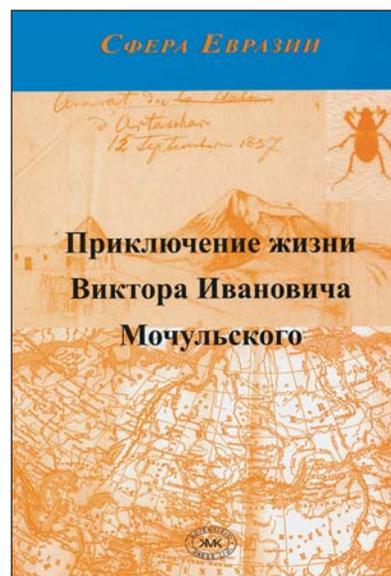
В среде энтомологов ходят байки о том, как Мочульский — выдающийся специалист по систематике жуков и заядлый коллекционер — воровал жуков из известных коллекций и ругался с европейскими коллегами. Характер у него был трудный. Не зря Вальтер Хорн прозвал его «инфернальным энтомологом».

В книге, наполовину составленной из воспоминаний, написанных по-русски и по-немецки, наполовину — из переводов статей Виктора Ивановича, вышедших в 1850—1860-х годах в основном на французском языке, причудливо переплетаются история и естественная история. Но пропорции разные: первая часть книги — это в первую очередь история, а вторая — скорее естественная история. (Напомню, что термин *биология* был уже предложен, но вплоть до конца 19-го столетия широко не использовался.) В конце книги помещен биографический очерк (в переводе с немецкого языка), очень страстно написанный Хорном уже в 1920-х годах.

Мочульский родился в 1810 г. Будучи человеком военным, он

участвовал в подавлении Польского восстания, был контужен и навсегда оглох на левое ухо, затем служил на Кавказе, в «Киргизской степи», в Восточной Сибири, в Оренбурге. Его воспоминания обрываются 1841 годом, затем идут рассказы об энтомологических экскурсиях в окрестностях Петербурга, а также о поездках по Европе и в Америку в 1852—1855 гг. Период с 1841 по 1851 г. и с 1856 г. пропущен, в рукописи сохранились только названия предполагавшихся глав: «Военная служба в Чугуеве», «Путешествие в Крым», «Путешествие за границу. Египет», «Париж. Лондон. Далмация [Далмация]. Монтенегро», «Мои изыскания о проточении свинцовых пуль французской армии в Крыму личинкой *Urocerus juvenicus*» и т.д. В 1863 г. Виктор Иванович окончательно переехал жить в Крым, в последние годы жизни тяжело болел и скончался в 1871 г.

Читая воспоминания, поражаешься широте кругозора автора, его честности и патриотизму. Мочульский — непосредственный участник таких событий, как подавление Польского восстания 1830—1831 гг., покорения Кавказа и Средней Азии, наблюдал страшное наводнение в Кронштадте в ноябре 1824 г. Восстание декабристов пришлось на годы его юности, а Отечественная война 1812 г. — на годы младенчества. Все эти и даже более ранние события так или иначе отражены в воспоминаниях. Многие исторические факты и трактовки в книге поданы неординарно. По Мочульско-

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЖИЗНИ
ВИКТОРА ИВАНОВИЧА
МОЧУЛЬСКОГО / Сост. В.А.Криво-
вохатский.

М.: Товарищество научных изданий КМК, 2013. 261 с.

© Михайлов К.Г., 2014

му выходит, что «Императрица Екатерина II тоже была убита: фрейлина Перекусихина подала ей отравленный шоколад» (с.20). Чуть дальше — история о человеке, выдававшем себя за убитого императора Павла (с.21 и повтор на с.164). В середине книги мы видим авторитетное подтверждение фактического убийства графа Аракчеева, присвоившего бланковые подписи покойного императора Александра I и подделавшего 13 его указов... (с.105). Эта потрясающая «история» рассказана Мочульскому лично графом П.А.Клейнмихелем и вводится в научный оборот впервые. Масса небольших историй разбросана по всему тексту воспоминаний.

Виктор Иванович, надо отдать ему должное, трезво оценивает способности тогдашней царской администрации. «Император Николай любил исключительно военных, представители же других профессий были вынуждены довольствоваться задним планом» (с.23). «И, так как все должны служить и все молодые люди подготавливаются обществом исключительно к службе, свободное развитие их талантов сдерживается. Это большое несчастье для государства, ведь из-за такой службы помещики ослабевают, имения забрасываются хозяевами и приходят в упадок, семьи нищают, торговля прозябает, выживая только в крупных городах, и страна беднеет» (с.23). А вот описание безграмотного руководства Польской кампанией, вот — происков и воровства на Кавказе... Можно подумать, что принципы и методы управления Российским государством несильно изменились со времен Николая I.

Судя по всему, служебная карьера Мочульского была не слишком успешна, да он и не стремился к этому. «Во мне воспитали, с одной стороны, резкое неприятие всего противозаконного, а с другой — искренность, против которой я никогда не мог грешить и из-за которой, при моем вспыльчивом характе-

ре, часто попадал в сложные положения» (с.18). Например: «...буйный характер дважды послужил причиной моего понижения в степени: в первый раз я назвал нашего учителя французского мерзавцем, в другой — не смог сдержать смеха при виде одного сумасшедшего дежурного офицера» (с.22). Будучи на Кавказе, Виктор Иванович написал «наверх» удачную докладную записку по персидскому и афганскому вопросам, его заметили и хотели отправить с миссией в Персию, но все сорвалось по причине нездоровья, и ему разрешили отпуск «в заграничье», хотя в то время зарубежные поездки не особо приветствовались. По возвращении в 1836 г. Мочульскому предлагали остаться служить в Петербурге, но он предпочел вернуться на Кавказ. Однако, несмотря на героические поступки и уважение начальства, там его «подсидели». А позднее, уже после работы в «Киргизской степи» и Восточной Сибири, с ним случилось вот что. Мочульский рассказывает: «Я хотел определиться в дипломатический корпус, желая быть полезным моими сведениями о востоке, но Министерство иностранных дел... затрудняло исполнение этого желания, протягивая дело много месяцев под разными натянутыми причинами... наскучившись терпением, я решил принять место особых поручений при Комитете и комиссии постройки Московской железной дороги... все, что я собирал и изучал в течение многих лет, осталось бесплодным деревом» (с. 169). И горькое резюме: «Ведь в этой стране образованный, благородный человек может найти лишь немного способов достойно зарабатывать на жизнь» (с.22).

Везучесть и личная отвага, даже некоторая бесшабашность Мочульского удивляют. Вот эпизод из Польской кампании: «Под моей лошадью взорвалась граната, отчего я взлетел высоко в воздух, но ранен не был. Саму же лошадь лишь легко контузило

осколком. Так как мы не ели ничего уже два дня, один из моих казаков принес мне из лагеря в котелке говядину. Я с товарищами отъехал назад, чтобы отвезти наше лакомство, не подвергаясь опасности быть застреленным. Мы сошли с лошадей, поставили котелок на землю и сели на траву, нетерпеливо ожидая возможности вкушать бифштекса. Я потянулся вилкой за одним из кусков, но тут нас внезапно накрыло облако пыли, и мы потеряли сознание. Котелок и вилка исчезли — на них упало срикошетившее ядро. Наша еда была мельчайшими кусочками разбросана во все стороны. Очевидно, мы выбрали неудачное место для трапезы» (с.40). А вот Швейцарские Альпы: «При переходе через снеговые горы Аппенцелля нам пришлось идти по самым узким тропинкам, где таявший от июньской жары снег нередко выпадал из-под ног; на одном месте мы... заскользили вниз по покатоности горы; я упал на спину и с ужаснейшей быстротой съезжал вниз, но, не теряя присутствия [духа], старался окованной железной палкой, которую каждый путешественник имеет, удержаться, что мне и удалось саженях в двух от края пропасти... в другой раз местность, на которой я поскользнулся, была еще круче, меня несло с такой быстротой, что я уже ничего не видел, и все перед глазами казалось черно, вдруг — ужасный толчок по всему телу, и я остановился, ноги уперлись в камни и льдины, образовавшиеся на краю пропасти от ходивших тут осенью коз — на несколько четвертей только от провала саженей в 40 глубиной» (с.86).

Описания природы и людей изобилуют меткими характеристиками. Тут и кавказские минеральные воды, и легендарный силач князь Севардзелидзе, и тифлиские базары, и нравы грузин, и разливы нефти в Дагестане, и кавказские высокогорья, и шакалы, которые утащили смазанные салом сапоги Виктора Ивановича, когда он

спал под открытым небом, спасаясь от нашествия блох в помещении.

Во время ранних путешествий Мочульского нефть находила еще мало применения. «Когда в [18]20-х годах около острова Сары в Каспийском море образовался новый остров и г-н Менетрие [известный естествоиспытатель из Санкт-Петербурга — К.М.] на лодке отправился осмотреть его, кто-то из матросов неосторожно закурил трубку, упала искра и остров загорелся. Менетрие и люди едва спаслись на лодке, но новая беда, на море плавала нефть, которая [тоже] загорелась, и они едва успели уйти, отгребаясь со всех сил» (с.64). Описывая Астрахань и окрестности, Виктор Иванович справедливо замечает: «Одно добывание нефти по островам и побережиям Каспийского моря могло бы составить весьма важный предмет торговли, если бы горное масло было принято для освещения домов и улиц, где оно вполне может заменить газ, а подавно простое масло» (с.147).

В заграничных путешествиях Мочульский интересовался не только жуками. Его привлекают музеи, архитектура (соборы, памятники, гробницы), даже дом-музей известного тирольского партизана, борца с наполеоновским нашествием Андреаса Хоффера, где сохранились его собственные штаны, от которых туристы отрывают кусочки «на память» (с.90, 91).

Виктор Иванович не чужд экономическим рассуждениям, беспокоится о рачительном хозяйстве. Вот что он пишет про астраханские рыбные промыслы. «Другой предмет есть усиление рыбных промыслов, но для этого нужно очистить засорившиеся устья Волги, чтобы рыба могла входить из моря в реку, что в настоящем состоянии затруднительно и даже невозможно. Во время шествия рыбы очень часто можно видеть, как большие осетры и белуга заняты на мели, а оттуда освобо-

диться не могут, потому неудивительно, что многие возвращаются в море и ищут себе устья других рек для удовлетворения природой назначенного им порядка. При этом не излишне было бы обратить внимание на то, чтобы рыбаки вытягиваемую ими мелкую рыбу, в торговлю не идущую, не выбрасывали на берег, как это делается теперь, а пускали обратно в море и тем сохраняли молодую рыбу. В настоящее же время около плотов и ватаг, где ловится рыба, верст на 10 слышен отвратительный запах от миллиона гниющей рыбы, которая гибнет без всякой пользы» (с.147).

Но главная страсть Мочульского — это, конечно же, жуки, в меньшей степени другие насекомые. Он коллекционировал их при каждом удобном случае. И на Кавказе, и в окрестностях Петербурга, и в Америке. Пойманных жуков буквально распикировал по карманам (в коробочках от пилюль), а потом высыпал на клеевые пластинки (листы бумаги с нанесенным слоем гуммиарабика), которые разрезал на нужные куски, и сажал на энтомологические булавки. Эти удивительные пластинки до сих пор сохранились в собранной им коллекции жуков. Коллекция Мочульского после его кончины была завещана Московскому обществу испытателей природы, там была заброшена, но вновь найдена уже в начале XX в. и ныне хранится в нашем Зоологическом музее; она частично переизучена, многие жуки переописаны на современном уровне. А вот коробки с некоторыми другими насекомыми, многоножками и ракообразными сохранились очень плохо — они пострадали от злейшего врага энтомологов — личинок жуков-кожеедов. А небольшая коллекция пауков и вовсе утеряна.

Именно жуки спасли жизнь Виктору Ивановичу, когда на Кавказе в 1838 г. он в образе глухонемого был направлен в разведку вместе с несколькими верными русскому правительству

местными жителями и попал в плен к горцам. Причиной «провала» стал башлык Мочульского, шов на котором был сделан шелком («как в Тифлисе»), а не шерстью, как в горах. «Внезапно на нас бросились горцы, отняли лошадей и оружие и всякого из нас посадили в отдельную хату под стражу» (с.135). «С первой минуты поняв всю опасность моего положения, я не упустил из виду приобрести и со своей стороны друзей, и первым из них должна была быть эта женщина [жена горца, которой было поручено сторожить Мочульского — К.М.]. Так как время ужина приближалось, то я ей помогал в приготовлении оного, поправляя огонь, запекая лепешки и подобными мелочными услугами; само собой разумеется, все на манер горский, и в это время сунул в огонь находившийся у меня в кармане карандаш, за который, если бы был найден моими врагами, я без сомнения заплатил бы головой» (с.136). Потом пленника вывели на площадку между скалами и пропастью для очной ставки, надеясь, что он заговорит со своими спутниками и тем самым себя выдаст. «Зная весьма хорошо, что неприятели наши за нами следят, я остался верным моей роли, и, не обращая внимания на моих спутников, развалился на земле и стал играть камешками, кладя их в рот и выплевывая в пропасть; а между тем я рвал в клочки находившиеся у меня в кармане пол-листа бумаги и эти клочки жевал и глотал. Так сбыв я и этого опасного обличителя, на котором были написаны некоторые мои путевые замечания. <...> Горцы явились и осмотрели мои карманы, где нашли только несколько раздавленных насекомых, которых я собрал дорогой, находка которых произвела общий хохот, и которых они весьма тщательно положили опять в карман» (там же).

Несколько особняком в книге стоит глава «1833. Литва. Магнетизм», где Мочульский — на при-

мере своей кузины Луизы — столкнулся с проявлением магнетизма, или лунатизма. Похоже, это явление — равно как и молодость кузины, на которой он собирался по ее выздоровлению жениться — сильно привлекло нашего исследователя. Но женитьба — скорее всего, по причине многочисленных командировок Виктора Ивановича и его растущего увлечения жуками — не состоялась, глава осталась недописанной, она обрывается буквально на полуслове.

Рукопись воспоминаний была снабжена рядом иллюстраций — пейзажами, рисунками жуков и других членистоногих, из которых сохранились, к сожалению, далеко не все. То, что удалось разыскать, приведено в книге. Некоторые особенности языка Мочульского надо запомнить, чтобы не путаться. Например, «хищниками» он именует разбойников, «лохмотниками» — нищих.

В предисловии составителя книги личность Мочульского сравнивается с Паганелем. Но этот персонаж романа «Дети капитана Гранта», географ-естествоиспытатель, не столь близок по духу нашему герою, как кузен Бенедикт — настоящий энтомолог — герой того же Жюль Верна из романа «Пятнадцатилетний капитан».

Несмотря на длительную, даже затянувшуюся подготовку, книга все-таки осталась недостаточно вычитанной, встречаются досадные опечатки. Явно не хватает справочного аппарата: сносок, именного указателя, да и указателя латинских названий. Вот Мочульский пишет, что в Байкале водится «замечательная рыба величиною с ерша, с огромной головой, и которой все тело состоит из жира» (с.167). Комментарий отсутствует. Между тем, как считает Ю.В.Чайковский, речь идет о рыбе-голомянке. Многие име-

на и географические названия даны у Мочульского в нескольких вариантах написания, что затрудняет чтение книги. Латинские названия, к сожалению, указаны довольно неряшливо.

Трудно словами рецензии передать мой восторг и восхищение от этой замечательной книги. Русский язык автора превосходен, хотя и несколько старомоден, взгляды почти современны... Очень рекомендую всем прочитать эту книгу.

Далеко не все материалы биографии Виктора Ивановича удалось ввести в научный оборот. Надо еще поработать в военных архивах, поискать его личное дело, докладную записку по восточному вопросу. Насколько мне известно, в различных «гражданских» архивах Москвы и Санкт-Петербурга хранится и деловая переписка Мочульского. Но академическая биография нашего персонажа — дело будущего. ■

Зоология

Определитель рыб и беспозвоночных Каспийского моря. Т.1. Рыбы и моллюски / Н.Г.Богущая, П.В.Кияшко, А.М.Насека, М.И.Орлова. СПб.; М.: Товарищество научных изданий КМК, 2013. 543 с.

Первый том из серии определителей фауны Каспийского моря открывает физико-географический обзор. Далее дан очерк геологической истории, в котором подчеркнута уникальная специфика Каспия — изменчивый уровень моря, сложные, динамически меняющиеся дельты впадающих рек и береговая линия, а также связь с Черным морем. Общую часть завершает глава, посвященная истории зоологических и промысловых исследований (доведена до 1940 г.). Основное содержание составляют иллюстрированные определительные таблицы всех родов рыб и морских двустворчатых моллюсков, сопровождаемые информацией по таксономии, морфологии и распространению семейств, родов и видов, а также обзором их промыслового или ресурсного значения и роли в экосистемах. Особое внимание авторы уделили выявлению исторических путей и основных периодов формирования фауны, в том числе — современному, во время которого произошло обогащение фауны моря пришлыми видами. Материалом для книги послужили обширные коллекции Зоологического института РАН. В приложениях приведены толковый словарь терминов (для понимания текстов из области морфологии, общей зоологии, таксономии и изучения инвазий) и статья К.В.Литвинова и С.А.Подольяко «Видовой состав и состояние ихтиофауны низовьев дельты Волги в 2006—2011 гг. в пределах Астраханского государственного природного заповедника».